Почти два года назад в Университете Билкент (Анкара, Турция) я прочёл лекцию "Capitalism: The Terminal Crisis of the Most Enigmatic System" ("Капитализм — терминальный кризис самой загадочной системы"), изначально написанную на английском языке. Несколько месяцев назад в сети появился видеоролик, где диктор читает этот текст. По сути, это документальный фильм с видеорядом, подобранным под содержание лекции. С тех пор я получил немало писем с просьбой сделать русский перевод и опубликовать его. Однако недаром Марио Пьюзо заметил: "Rewriting is a whole secret to writing", — в вольном переводе: "Переделывание текста — это написание нового текста". Так оно и вышло: появился новый большой текст, включающий старый и разбитый на три части. Новый и большой, поскольку за два года мир изменился кардинально; агония капитализма приобрела коронабесную форму, а то, что вылезает из него, как Чужой в известном фильме, всё больше напоминает биоэкотехнофашизм.

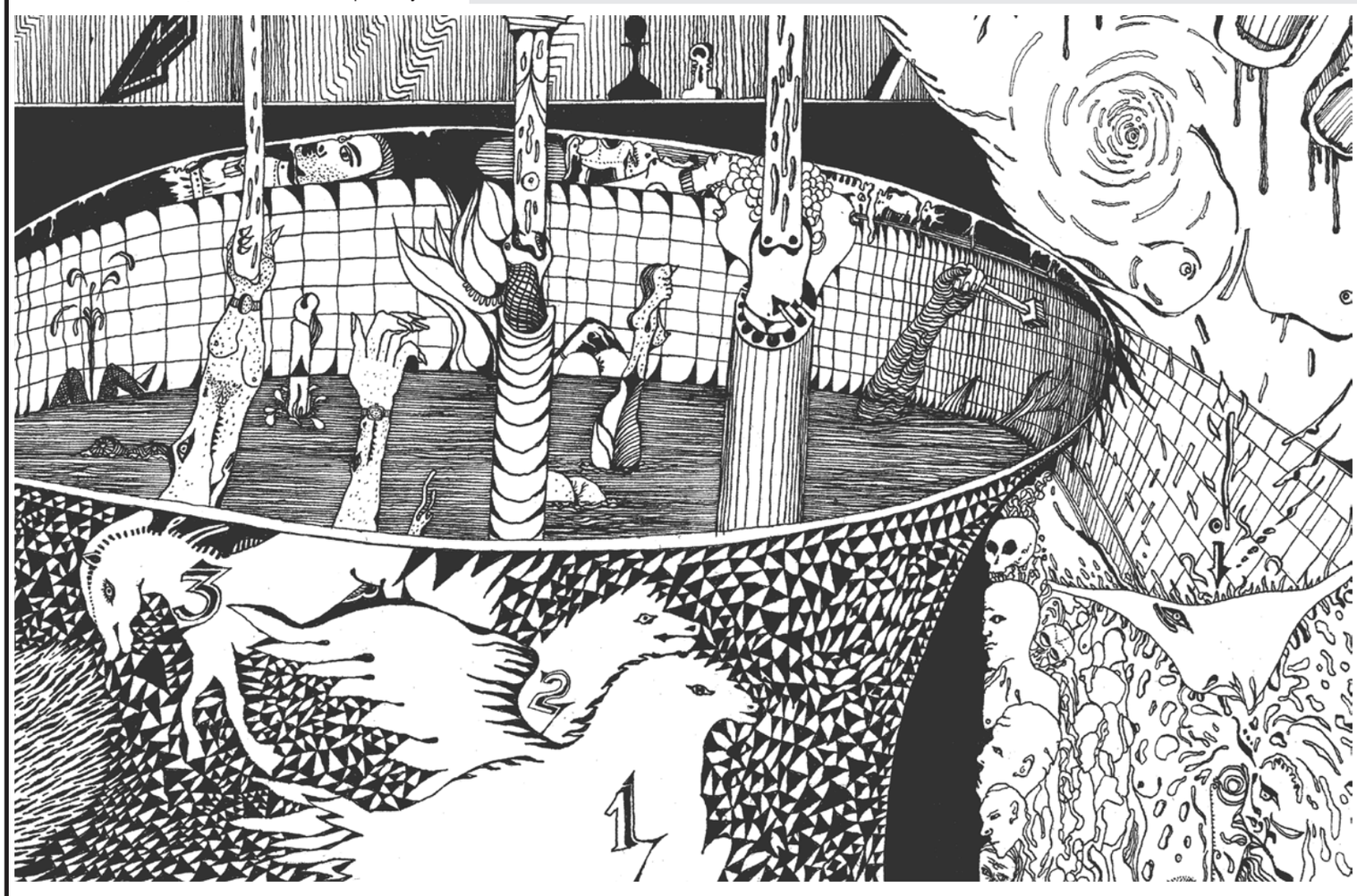
Андрей ФУРСОВ
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАПИТАЛИЗМА

Часть первая

НИЖЕ ИЗЛАГАЮТСЯ довольно простые вещи. Проблема, однако, в том, что иногда простые вещи кажутся сложными. Причин, как минимум, две. Во-первых, люди в массе своей стараются жить в комфорте — не только материальном, но и интеллектуальном. Комфортно жить в привычной картине мира — в мире знакомых понятий, образов и схем. Даже если картина не вполне соответствует реальности, нарушение привычного антуража чаще всего вызывает дискомфорт, а порой и боязнь любых "сложных картин", хотя на деле "сложностью" нередко тут оказывается то, что является куда более простым, чем все прежние устоявшиеся картины.

Во-вторых, мы живём в ситуации "двойного разрыва". Обществоведческая наука всегда отстаёт от обществоведения, а в периоды быстрых изменений, как ныне, этот разрыв увеличивается до 15–25 лет. В свою очередь, образование отстаёт от науки примерно на такой же срок. Поэтому зачастую вместо реальности мы видим перед собой картину мира 30–40-летней давности; особенно это касается исторической науки. Причём ситуация эта не только наша, но и общемировая. Дело дошло до того, что на Постзападе спецслужбы взяли дело подготовки историков для своих нужд в собственные руки, не надеясь на профессорско-профанную науку с её мелко- и узкотемьем и кабинетной оторванностью от реальности. Так, МИ-6 и ЦРУ вместе с историческими факультетами трёх ведущих британских университетов начали готовить историков по специальностям "историк-системщик" и "историк-расследователь", а "Пять глаз" — вообще создали свой исследовательский центр.

Говоря сегодня о капитализме, который находится в терминальном кризисе, надо иметь в виду, что глобальные элиты во многом перестали скрывать свои планы, их обслуга пишет об этом открыто. Если во времена СССР идеологи буржуазии стыдливо прикрывались демократией, правами человека и т.п., то сейчас им стесняться некого, ибо, по их ощущению, никто больше не накажет "буржуина": нет страны, откуда прискачут красные армии с мальчишами-кибальчишами, — "плохиши" торжествуют.



Однако, похоже, радоваться им недолго: мировой кризис беспрецедентных масштабов накроет и их. В связи с этим взгляд с высоты, как сказал бы Айзек Азимов, на нынешнюю ситуацию представляется весьма уместным.

Термин "кризис" в наши дни стал общепринятым: говорят о кризисах экономики, мировой политики, образования, идеологии, тотальном кризисе, кризисе мировой системы. Дело, однако, в том, что мировых систем "вообще" не бывает. Они наличествуют только в определённом качестве. Такие термины, как "кризис человечества", "фазовый переход" и т.п., бессмысленны и непригодны в своей нейтральной бессодержательности и чаще всего призваны закамуфлировать тот факт, что речь идёт о кризисе капиталистической системы и её обанкротившихся хозяев. Впрочем, сегодня накал и масштаб кризиса таков, что об исчерпанности капитализма уже заговорили высокопоставленные клерки идейно-интеллектуальной и политической обслуги глобократии: ушлые Ж. Аттали, К. Шваб и даже А. Меркель.

А что мы знаем о капитализме? На первый взгляд — всё; капитализм кажется самой простой системой для анализа, все её характеристики можно выразить, казалось бы, количественно: валовой национальный продукт, валовой внутренний продукт, доход на душу населения. Всё открыто, никакой тайны! В отличие от кажущихся загадочными обществ Древнего Египта, Древнего Китая, Древней Индии, майя, догонов и др. На самом деле именно капитализм — самая загадочная система в истории человечества, поистине уникальная. Капитализм обладает, как минимум, семёркой черт, которые резко отличают его от всех других социальных систем. Возможно, кому-то это перечисление покажется скучным, но без него мы вряд ли поймём, чем является капитализм, что происходит сейчас в мире, и чего ждать. Итак.

Во-первых, капитализм — единственная система мирового масштаба, его производственные и рыночные отношения охватывают планету в целом. Все докапиталистические системы были локальными, хотя этот локус мог охватывать огромное пространство.

Во-вторых, капитализм — единственная социальная система, которая существует в трёх технических формах: доиндустриальной, индустриальной и гипериндустриальной. Не технология (элемент) определяет капитализм (целое), а капитализм как система диктует логику развития технологии и техники.

В-третьих, капитализм — единственная система, которая создаёт формы, качественно отличающиеся от неё. Речь идёт о таких докапиталистических формах, которые создаются самим капитализмом и в его интересах там, где до него их не существовало. Это плантационное рабство на юге североамериканских колоний и островов Карибского бассейна, квазифеодальные латифундии в Южной Америке и др. Капитализм создаёт их в соответствии с логикой своего развития, поэтому его мировая система — не гомогенно капиталистическая, а многоукладная.

В-четвёртых, капитализм — единственная система, которая может существовать как в "положительной" (капитализм), так и в "отрицательной" (системный антикапитализм — СССР, соцлагерь) формах.

В-пятых, капитализм — единственная социальная система, создавшая уникальные формы по сравнению как с прошлым, так и, по всей видимости, с будущим. Именно капитализм создал такие феномены, как частная собственность, государство, нация, наука, идеология. Предвижу удивление и недоумение: как? А разве Древний Египет не государство? Разве у вавилонских жрецов не было науки? А что, индийцы — не нация? В Древнем Риме не было частной собственности? Мой ответ на все эти вопросы — категорическое "нет". Внешнее сходство ни о чём не говорит: акула, ихтиозавр и косатка внешне похожи, хищники, живут в одной и той же среде — водной, однако все они относятся к разным классам живых существ.

Что касается частной собственности, то она предполагает наличие частного лица в качестве субъекта. Реально частная собственность "расцветает" только на "трупе" феодализма, при появлении действительно частных лиц. Пьесы Шекспира об Англии XV–XVI веков — как раз о таких трагических судьбах частных лиц, рвущих коллективную пуповину и торящих свой путь (часто неправедный).

Если государство (lo stato, l'état, der Staat, the state) определять как форму социального насилия, отделённую от производственных отношений и легально ограниченную определённой территорией, то нечто подобное существовало (и могло существовать) только в буржуазном обществе. При феодализме внеэкономические отношения, социальное насилие, были исходно встроены в производственные отношения, были их сутью. В этом случае, естественно, в государстве в строгом смысле слова нужды не было, так как феодальное "государство" выполняло функцию иную — организацию иерархии господ. Поэтому Маркс называл такой порядок власти "религиозным государством" — в отличие от "государства политического", капиталистического. Впрочем, оба эти термина несовершенны, они приблизительны, вместо них лучше "смотрятся" термины "патримония" и "государство".

Термин "нация" часто ошибочно смешивают с терминами "этнос" и "народ". На самом деле нация есть социальная форма организации этноса, "базовым кирпичиком" которой является индивид. Нация не может состоять из общин, сословий, полисов, каст, кланов, племён, которые по определению будут замыкать фокус лояльности только на себе. Неслучайно нации формируются в Европе в конце XVIII — начале XIX века, когда другие формы коллективной идентичности — общинные, цеховые — уходят в прошлое. Кстати, если взглянуть на дореволюционную Россию, то, во-первых, подавляющая масса населения (крестьяне) жили в общинах с их локальным фокусом лояльности (в качестве нации формировались дворяне и интеллигенция, что усиливало деформацию социума и ожесточало сословные отношения); во-вторых, человека определяли не по национальности, а по вероисповеданию.

В СССР педалировали развитие исторической общности, именуемой советским народом. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что "сработала" эта общность преимущественно для русских, белорусов и малороссов — иными словами, просто-напросто для русских в широком смысле слова, так как всё это один народ. В отличие от этого, в других республиках СССР советская национальная политика реально вела к развитию местных национализмов, которые "выстрелили" в конце 1980-х и позже. Нужно помнить, что если в РСФСР перестройка постепенно набирала темп под лозунгами и знаменем антисоветизма, то на просторах СССР, даже на Украине, славянской республике, она шла ещё и под знаменем антирусскости, русофобии: "Русские, убирайтесь вон". Отделение от Союза, от Москвы подавалось как таковое не только от центра Советского Союза, но и от центра русских: антисоветизм и русофобия в республиках слились воедино, и это стало — вопреки задумке — результатом национальной политики КПСС. Исторически она стартовала как русофобия большевиков в 1920-е годы, а после сталинского поворота середины 1930-х годов как бы растворилась в республиках и затаилась, чтобы вырваться наружу в 1980-е и начать развиваться по восходящей практически на всём постсоветском пространстве. Что же касается нынешних русских, то процесс превращения их из народа в нацию (безо всяких "земских соборов") продолжается. Препятствий на этом пути много: и "российский" курс власти, и тот факт, что эпоха национальных государств почти прошла, и многое другое, но это отдельная тема.

НАУКА — ЭТО ТРИЕДИНСТВО эмпирических знаний, теории и, что самое важное, социальной институциональности. Рациональные эмпирические знания на Востоке и в античном мире были встроены в такие институциональные структуры, которые наукой считаться никак не могут. Наука как институт возникает в Западной Европе в ходе научной революции XVII века, связанной с потребностями развития капитализма как системы.

Иными словами, капитализм для своего функционирования требовал избыточности — качественно новых социальных форм, знаний и "вещей", которые не просто не существовали в докапиталистическом мире, но были не нужны и вредны ему.

В-шестых, капитализм как система требует появления помимо государства закрытых надгосударственных, наднациональных структур и порождает, создаёт их. Без них нормальное функционирование капитализма как системы крайне затруднительно, если вообще возможно, поскольку они снимают, разрешают одно из важнейших противоречий капсистемы. Суть в следующем. Экономически капитализм — мировая система без границ, единое целое, тогда как политически это совокупность, сумма отдельных государств, разделённых границами. В результате мы имеем тройное противоречие: между экономикой и политикой, капиталом и государством, целостностью и суммарностью.

Капитал, особенно крупный, должен решить это противоречие, выйти за его рамки: реализация его интересов, как правило, требует постоянного нарушения границ (а часто — законов) своей страны и других стран. Отсюда необходимость в наличии особой, "корректирующей" эту ситуацию организации (или организаций) — надгосударственной, закрытой и, желательно, имеющей свой идейный комплекс, причём нередко он оказывается оккультным. Внешне эти структуры выглядят как заговор ("конспиро"), однако, по сути, это чистая политэкономия капитализма, реализация его законов на мировом уровне. Верхушка господствующего класса капсистемы исходно формировалась как наднациональная — североатлантическая, и конспироструктуры были в такой же степени её порождением, как и фактором, порождающим её (ср. аналогичное отмеченное Марксом диалектическое соотношение рынка и капитализма). Таким образом, капитализм — это не пара "капитал — государство", а треугольник "капитал — государство — наднациональные структуры мирового согласования и управления". Именно последние обеспечивают и реализуют целостные и долгосрочные интересы капиталистической системы.

Каждый этап развития капсистемы порождал принципиально новые закрытые конспироструктуры. При этом старые начинали играть вспомогательную роль как для новых, так и для самого государства. Сначала это были масонские структуры, в последней трети XIX века сформировались общества типа Geheimes Deutschland в Германии и Родса — Милнера в Великобритании. В послевоенный период появились Бильдербергский клуб и намного более серьёзные Siecle ("Век"), и сыгравший большую роль в разрушении СССР Cercle ("Круг"), затем были созданы формально открытые организации с "двойным дном": Трёхсторонняя комиссия, Римский клуб.

В-седьмых, и это, пожалуй, самое важное отличие капитализма от докапсистем, он — единственная система, развитие которой в значительной степени приобретает проектно-конструкторский характер, ход истории принимает в большой мере направляемый, а порой и управляемый характер. Подчеркну: "направлять" не значит автоматически "управлять", результаты оказываются зачастую далёкими от планов проектировщиков и действий конструкторов. Недаром Г. Киссинджер как-то заметил: "…история — это рассказ о провалившихся планах, несбывшихся чаяниях и надеждах, которые либо не оправдались, либо обернулись чем-то совершенно иным". Действительно, те, кто в России и за рубежом планировали февральский переворот 1917 года, не думали, что вызывают октябрь; те, кто полагали, что Гитлер раздавит СССР, и из Лондона науськивали его на восточного соседа, не ожидали, что в результате всего этого их империя развалится, а СССР выйдет из войны победителем и сверхдержавой. Это и есть то, что Гегель называл "коварством Истории". И тем не менее Киссинджер не случайно употребил слово "план" — в частности, вся его деятельность в государственных и закрытых наднациональных структурах как раз и была планированием, проектированием истории и, надо признать, на нашу беду, многое получилось.

Сказанное выше не означает, что до капитализма не было групп, которые пытались влиять на ход исторического развития. Например, тамплиеры тщетно пытались создать нечто вроде Евросоюза — идея была преждевременна, не было средств, которые появились только при капитализме. Проектно-конструкторская деятельность требует нескольких условий. Это:

1) организация, которая может ставить, планировать, готовить, реализовывать на практике (конструировать, осуществлять исторический социо- или геоинжиниринг), т.е. решать долгосрочные ("игра в долгую") широкомасштабные задачи (перевороты, войны, революции и т.д.);

2) адекватный объект ("вещество") манипуляции посредством геоисторического инжиниринга;

3) финансовая база ("энергия"), обеспечивающая контроль над людьми: власть и собственность;

4) контроль над духовной сферой (информпотоки, верования, ценности и т.п.), особенно на верхнем и среднем уровнях общественной пирамиды;

5) эксклюзивная структура рационального знания, принадлежащая только верхам; с её помощью, с одной стороны, анализируются регулярности и законы истории, социального поведения (особенно масс, "толпы"), с другой — направляются в ложное или второстепенное русло исследования так называемой независимой, или объективной, науки (результат — оформление профессорско-профанной науки для низов и середины как ширмы изучения реальных процессов, реальной картины мира).

Закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления (они же — конспироструктуры) как раз и являются тем типом структур, которые отвечают перечисленным выше характеристикам. В конце 1870-х годов Маркс заметил, что если бы он заново писал "Капитал", то аналитически начал бы не с товара, а с государства. Я бы сказал так: если сегодня писать (или переписывать) "Капитал", то начинать нужно уже не с государства, а с закрытых наднациональных структур. И дело не только в том, что эти структуры "второго" (закрытого) контура на рубеже XIX–XX веков превратили партии, парламенты и т.д. ("первый", открытый контур) в свои функции. Они уже задолго до этого выражали целостные и долгосрочные черты развития капсистемы и верхушки её господствующего класса как системообразующего элемента. В "руках" именно этих структур, будь то британские клубы, островные и континентальные масонские ложи, организации XIX–XX веков, оказались сконцентрированы одновременно "вещество", "энергия" и "информация" современного мира.

"Веществом", т.е. объектом манипуляции, стали массы как феномен. И хотя они вышли на арену истории в XX веке (точнее, элиты или их поручнцы вывели их туда, с одной стороны, возглавив, оседлав некие движения, с другой, подчинившись на время их логике; вспомним, к примеру, знаменитый обращённый к толпе крик героя романа Р. Пенна Уоррена Вилли Старка "Дайте мне топор" и успех прототипа этого персонажа — губернатора штата Луизиана Хью Лонга), уже в середине — второй половине XVIII века в городах Западной Европы оформилась в качестве социального феномена масса как сумма атомизированных индивидов — "одинокая толпа" (Д. Рисмэн). В отличие от укоренённых в малой традиции коллективностей (общин, каст и т.п.), не связанными друг с другом людьми, отсечёнными от семейных традиций, утратившими локальные ценности, легко манипулировать.

В середине — второй половине XVIII века произошла "материализация" финансовой революции XVII века, начавшейся созданием в 1613 году (1613–1617 гг.) Standard Chartered Bank семейства Барухов и окончившейся в 1694 году созданием Банка Англии. Последний стал мощнейшим финансово-организационным оружием Англии (с 1707 года, после соединения с Шотландией Великобритании), которое позволило начать всерьёз выигрывать войны.

Финансы — это энергия, но не менее важна информация. Время с середины XVIII века продемонстрировало резко возросшие роль и значение информации как оружия в борьбе различных элитарных групп. Просветительский проект "Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел" (1752–1762 гг.) был первым опытом создания современного информоружия, которое, будучи изготовленным во Франции по британским лекалам, позволило в течение жизни двух поколений "перевербовать" определённую часть французской элиты в сторонники будущей революции. Революции в интересах части французской и британской буржуазии, прежде всего финансовой, а также закрытых наднациональных групп. Уильям Питт Младший, выступая в британском парламенте, открыто признал, что Великобритания потратила на организацию и стимулирование французской революции 5 млн фунтов стерлингов — фантастическую по тем временам сумму. Уже вышло немало книг о бурной деятельности британских агентов во Франции во времена революции (1789–1799 гг.) и позже, о том, как британская разведка ("les hommes de Londre, les hommes de l'hombre" — игра слов: "люди из Лондона, люди из тени") провоцировала во Франции большой террор и многое другое.

Итак, к середине XVIII века в руках наднациональных групп, представленных в то время главным образом масонскими ложами, оказалось сконцентрировано управляемое "критическое вещество" массы, экспериментально "дрессируемой" потоками информации части элит, денег, энергий, благ — в самом широком смысле. Всю мощь именно закрытые наднациональные группы (на тот момент, повторю, это были масонские структуры), формирующийся буржуазный североатлантический класс, обрушили в 1789–1848 годах на государства-монархии Старого порядка и либо сокрушили их, либо выговорили определённые условия компромисса.

В "эпоху революции" (Э. Хобсбаум) 1789–1848 годов на Западе сформировалось триединое ядро, если угодно — трёхглавый Змей Горыныч капсисемы: государство-гегемон (в XIX веке — Великобритания), финансовый капитал (Ротшильды, Бэринги и др.) и закрытые наднациональные группы мирового согласования и управления.

У капсистемы, разумеется, есть и другие особенности, кроме семёрки названных, однако здесь достаточно этих семи — они главные для понимания капитализма. Именно они обеспечивали его фантастический динамизм в течение нескольких столетий и очень короткую по масштабам длительности исторических систем жизнь.

Капитал существовал до капитализма, в той или иной форме, скорее всего, будет существовать и после него. Но так же, как капиталистическая собственность не сводима к капиталу, так же и капитализм как система — это не просто и не только безудержный триумф капитала; реальность сложнее. Капитализм можно определить так: это сложная социальная система, которая обеспечивает постоянное накопление капитала (развитие во времени) и его экспансию, позволяющую поддерживать и увеличивать норму прибыли (пространственная характеристика), и которая в то же время ограничивает капитал в его целостных и долгосрочных интересах. Без этого ограничения и его средств в виде государства, гражданского общества и его структур, политических партий, формально представляющих различные слои, системы массового образования и др. — без всего этого капитал, предоставленный самому себе, сожрал бы и самого себя, и общество, и биосферу. Ну а арбитром между капиталом и его "ограничителями" выступали закрытые наднациональные группы.

ВСЯ ИСТОРИЯ КАПИТАЛИЗМА — это борьба капитала с социальными ограничителями за то, чтобы избавиться от них, за охват капиталом всей капиталистической собственности. Именно эта борьба по типу циркового номера "борьбы нанайского мальчика с медведем" является одним из моторов развития капитализма. Победа одной из сторон означает конец номера — и капитализма. Успех капитала на этом пути означал бы демонтаж капитализма за ненадобностью как системы, отработавшей своё, поэтому конспироструктуры не позволяли этому процессу выходить за определённые рамки. Однако на рубеже 1960-х–1970-х годов их позиция несколько изменилась. Во-первых, капитализм как система производства и производственных отношений подошёл к пределу своих возможностей. Дальнейшее его развитие усиливало, особенно при наличии системного антикапитализма в лице СССР и соцлагеря, контрагентов капитала, прежде всего — промышленный рабочий класс и связанные с промышленностью и государством сегменты среднего слоя. Надо помнить, что капитализм — это изначально система производственных отношений, а не просто деньги или богатство, как полагали представители вульгарной буржуазной политэкономии. Они тупо отождествляли капитал(изм) с денежным, торговым капиталом, находили капитализм всюду, начиная с Древнего Востока и Древнего Рима, не говоря уже о средневековых городах, таким образом увековечивая капитализм. В основе капитализма как системы лежат не деньги, они лишь опосредуют (выполняя при этом пять функций) обмен рабочей силы на овеществлённый труд, который при этом реализует себя как самовозрастающая стоимость.

Проблемы именно со "второй стороной" производственных отношений капитализма. Рост её политического значения в условиях дальнейшего развития индустриальной системы (именно так, а не просто из-за некоего предела, достигнутого индустриальным производством, — это было важным, но не главным) заставил закрытые наднациональные группы скорректировать свою позицию по "ограничителям" и начать — вместе с капиталом — их демонтаж (см. доклад "Кризис демократии", написанный по заказу Трёхсторонней комиссии). Одновременно было начато торможение научно-технического прогресса и промышленного развития, т.е. развития реальной экономики; упор был сделан на развитие финансового капитала, и это была первая причина, скорректировавшая позицию конспироструктур. В XIX — начале XX века финансовый капитал, по сути, господствовал над промышленным. Две мировые войны и период послевоенного восстановления (т.е. эпоха 1910-х–1960-х годов) изменили ситуацию: началось контрнаступление промышленного капитала, у которого появился объективный союзник — СССР.

Советский фактор был второй, не менее важной причиной изменения позиций наднациональных групп по отношению к демократическим ограничителям капитализма и научно-техническому прогрессу; отсюда вдруг возникший упор на экологизм, "пределы роста", сокращение населения — короче говоря, неомальтузианская повестка дня, переход к финансиализму. Успехи СССР, с одной стороны, сам факт его существования как антикапиталистической альтернативы, с другой, ограничивал возможности "хозяев мировой игры" по коррекции и демонтажу (сначала частичному) капитализма: это означало бы признание исторической правоты СССР, соцсистемы. А потому реализация нового проекта мировой верхушки — ультраглобалистско-экологического демонтажа капсистемы — требовала уничтожения СССР или его поглощения капсистемой, что, впрочем, одно и то же, тем не менее ползучий демонтаж капсистемы постепенно развивался ещё при существовании СССР. В результате этого процесса нанесения "ударов по штабам" ограничителей с конца 1970-х годов политика постепенно превращается в замысловатые комбинации административной системы и шоу-бизнеса, государство "тает", массовое образование стремительно разрушается, гражданское общество "скукоживается".

В отношениях капитала и его "ограничителей" возможны несколько исторических вариантов. Например, хрупкое равновесие, как это было свойственно классическому буржуазному обществу. Был и другой вариант, который можно было увидеть в системном антикапитализме соцстран: "ограничители" подчиняют капитал и уничтожают его. Наконец, вариант, который мы "во всей красе" увидели на Западе после разрушения Советского Союза: демонтаж "ограничителей" мировой верхушкой самого капитализма и изменение самого капитала, его превращение во властесобственность социально-информационных платформ, контролирующих уже не столько материальные, вещественные факторы производства, сколько невещественные: социальные сети (поведение) и информационную сферу. Этим "контролёрам"-монополистам капитал как таковой, по сути, уже не нужен: симбиоз фондов, банков и платформ конституирует и новую власть — посткапиталистическую, — и новый строй. Пропагандистски это подаётся как распространение капитализма на всех жителей планеты в виде инклюзивного ("включающего"), или стейкхолдерского (противостоящего акционерному), капитализма. В действительности же это ширма процесса лишения нижних 75% общества того немногого, что у них есть: у кого-то — небольшой частной собственности, а у кого-то — личной (квартиры, машины и т.д.). Речь, таким образом, идёт об экспроприации малого и среднего бизнеса тех, у кого ещё осталось хоть что-то "овеществлённое". Если "на входе" в капитализм имела место экспроприация земельной (созданной природой) собственности (огораживания, первоначальное накопление капитала крестьян), то на выходе — тоже экспроприация, только уже вещественной собственности (созданной трудом) среднего слоя, которая (экспроприация) этот слой уничтожает.

На "входе" в капитализм массовых собственников земли нужно было лишить её, чтобы те, оставшись собственниками лишь своей рабочей силы, были вынуждены стать объектом эксплуатации обладателей капитала. На "выходе" массовые мелкие собственники капитала должны лишиться его, чтобы стать объектом эксплуатации тех, кто контролирует ставшие главными социальные и духовные (информационно-психологические) факторы производства.

Как это ни парадоксально, капитализм исчерпал себя, охватив всю планету, т.е. выполнив свою социогенетическую программу, победив. Вековая динамика капитализма была такова, что он всегда нуждался в наличии некапиталистических зон. Каждый раз, когда мировая норма прибыли падала, капитализм вырывал из некапиталистической зоны ту или иную часть и превращал её в капиталистическую периферию — зону дешёвой рабочей силы и источник дешёвого сырья. Мировая норма прибыли восстанавливалась, а потом и вовсе вырастала. Этим, в частности, объясняется рваный ритм колониальной экспансии, рывки которой происходили каждый раз, когда снижалась мировая норма прибыли. Однако к концу XX века капитализм исчерпал планету. Соцлагерь стал капиталистическим, появились обширные зоны полубандитского и просто бандитского капитализма. В Китае существующий строй — "социализм с китайской спецификой"; в равной степени его можно назвать "капитализмом с китайской спецификой", суть нынешней "китайской системы" от этого не изменится.

Некапиталистические зоны практически упразднены, теперь капитализму больше некуда сбрасывать противоречия, больше неоткуда подпитываться, экстенсивный путь заказан. А на пути интенсивного — подорванные, но всё же сохраняющиеся институциональные ограничители и огромный массовый слой мелких буржуа, которых эти ограничители, хотя худо-бедно, но как-то защищают. Значит: долой ограничители, долой мелкий и средний капитал, долой лишнее население, а основная масса оставшихся должна меньше потреблять, меньше перемещаться — не только между странами, но и внутри стран. Их нужно закрепить локально. Для этого нужны экстраординарные меры, обнуляющие последние остатки, пережитки Запада в нынешнем Постзападе, носителем которых является социально, культурно, расово и этнически белое население. Манифест киллеров, а точнее — могильщиков капитализма и западной цивилизации, написанный в 2020 году высокопоставленным клерком на службе мировой верхушки К. Швабом в соавторстве с Т. Маллере, так и называется "Великое обнуление" (или "Великий сброс" — The Great Reset). "Великое обнуление" — это попытка таким образом оформить терминальный кризис капитализма, чтобы создать максимально выгодные условия для новых хозяев, господ посткапитализма, и сформировать готовую для нового типа эксплуатации и контроля человеческую массу.

Терминальный кризис капитализма — логический системный результат его развития. А вот то, какие формы он примет и каким будет посткапиталистический строй, — это определяется логикой борьбы исторических субъектов. В целом же нынешняя ситуация есть результат не только кризиса капитализма, но и уничтожения его антипода — системного антикапитализма, СССР. Это было низким стартом терминального кризиса, но одновременно и тем фактором, который затормозил его на полтора десятилетия — диалектика. СССР был разрушен гибридным субъектом, состоявшим из части советской номенклатуры, ГБ и теневого "капитала", с одной стороны, и определённых сегментов мирового капиталистического класса в лице закрытых наднациональных структур, банков и спецслужб, с другой. Системный антикапитализм оказался чем-то вроде сундука (на дубе), в котором хранилась игла Кощеевой смерти капитализма. Сундук рухнул с дуба, и это стало началом конца капитализма.

В октябре 1990 года, как раз, когда в СССР прошёл "картофельный марш" десантников, я читал лекцию в Колумбийском университете (Нью-Йорк, США). Один из присутствующих ехидно спросил: "Не кажется ли Вам, что колокол звонит по коммунизму?" Я ответил сходу, по-джондонновски: "Не спрашивай, по ком звонит колокол — он звонит по тебе". И пояснил: конец СССР будет началом конца капитализма; с этого момента, несмотря на внешний триумф, это будет вспышка перед смертью. Аудитория не согласилась с моим тезисом: не поняла, точнее, не захотела понимать. Но я оказался прав. Чтобы лучше понять этот тезис, его суть и логику, нужно взглянуть на истоки капсистемы, её эволюцию.

Иллюстрация: рисунок Василия Проханова "Приготовление" (фрагмент)

Продолжение следует